

Вечерний ветер, дующий со стороны течения, нес влажную прохладу. Сы Ханьцзюэ скакал на белом единороге, позволив пальцу быть заботливо обнятым мармеладным мишкой, словно это было сокровище. Чувствительная текстура кончика пальца мягко соприкасалась с гладкой поверхностью конфеты, вызывая сладкое, щекочущее ощущение, которое проникло прямо в сердце, взволновав сладкое озеро души до ряби.

Тан Сяотан неуклюже повернулся на месте, его короткие ножки быстро-быстро перебирали, следуя ритму Сы Ханьцзюэ, кругленький животик слегка подпрыгивал и опускался, оставляя в воздухе легкий красноватый след.

Маленькая конфетка звонко смеялась, и её смех, словно колокольчик, долетал до ушей Сы Ханьцзюэ.

Сы Ханьцзюэ согнул длинную ногу, оперев её в стремя единорога, и сосредоточенно, с полной отдачей, танцевал с мармеладным мишкой на голове сказочного скакуна.

Фейерверки, единорог, тропинка, усыпанная светлячками и огоньками.

Всё это было лишь мимолётными фрагментами со старых фотографий, чужого, недостижимого для его детства, счастья.

Эти разрозненные воспоминания, которые даже он сам почти позабыл, хранились в памяти сладкой конфетки. Сы Ханьцзюэ выдохнул облачко пара, и в груди стало тепло и уютно.

Что ж, что касается определённого союзника, который утаил от него дело с мармеладным мишкой, он его прощает.

— Апчхи!

Цзян Юй как раз раздавал зарплату работникам, нанятым для запуска фейерверков. Из-за поднявшегося ветра бантик у него на голове затрепетал, готовый взлететь, но неожиданный чих встряхнул его, и бабочка едва не улетела. Доктор холодно покосился и, неизвестно откуда взяв, нахлобучил на голову Цзян Юя вязаную шапку-арбуз.

— Дай я, — неспешно протянул руку доктор, без возражений забирая у него учётную книгу.

Цзян Юй засунул руки в рукава, сгорбившись от холода, и пробормотал себе под нос:

— И снова день, когда плачешь над чужой любовью.

Доктор равнодушно спросил:

— Тебе тоже нравится?

Цзян Юй в шапке-арбузе, приняв классическую позу крестьянина, прячущего руки, уставился на него:

— Да кто сможет устоять перед такой прекрасной любовью?

Золотые очки доктора вспыхнули, отразив свет, как у Конана.

Цзян Юй, наблюдая за хлопочущим доктором Цуем, достал из кармана две маленькие красные конфетки и протянул ему:

— Съешь конфетку, восстановишь силы?

Доктор Цуй бесстрастно взглянул, провёл ногтем по ладони Цзян Юя и совершенно небрежно бросил конфету в рот.

Цзян Юй улыбнулся:

— Сладко?

Доктор Цуй пошевелил языком и холодно произнёс:

— Очень.

[Конечно сладко, она же была припрятана мармеладным мишкой в трусиках.]

[Конечно сладко, этот болван, оказывается, может проявить заботу.]

Глубокой ночью Сы Ханьцзюэ со своим мармеладным принцем ступали по тихой тропинке, устланной безбрежным звёздным морем, сквозь густую тьму возвращаясь домой.

Позади них огни один за другим гасли, и тьма безмолвно праздновала эту счастливую встречу.

На подходе к изящному арочному мосту Сы Ханьцзюэ достал то самое прослушивающее устройство и, пока Тан Сяотан не видел, беззвучно швырнул его в воду, где оно утонуло в чёрной глубине.

Поскольку рядом был ничего не подозревающий доктор Цуй, Тан Сяотан не мог появиться открыто и прятался в нагрудном кармане у Сы Ханьцзюэ, уцепившись двумя ручками за край. Взволнованно, с высоты хозяина, он смотрел на яркую реку Млечного Пути, болтал ушками и радостно напевал песенку.

Цзян Юй прождал почти всю ночь, умирая от любопытства, и когда наконец увидел выходящего одного Сы Ханьцзюэ, подбежал к нему, подобострастно уставившись:

— Босс! Сладко?! Растрогался до слёз?!

Доктор Цуй ничего не понял и стоял рядом холодной, кислой статуей.

Сы Ханьцзюэ замедлил шаг и глубокомысленно посмотрел на Цзян Юя.

Улыбка Цзян Юя, растянувшаяся до ушей, медленно, очень медленно исчезла.

Сы Ханьцзюэ хлопнул его по плечу:

— Со следующего месяца зарплата удваивается.

[!!!]

[Спасибо, босс!!]

Отвезя Цзян Юя и доктора Цуя обратно в больницу, Сы Ханьцзюэ остался в машине наедине с конфеткой. Тан Сяотан с трудом вылез из нагрудного кармана, громко вздохнул и тоненьким голоском проворчал:

— Наконец-то ушли, конфетка чуть не задохнулась.

Тан Сяотан ласково потёрся о грудь Сы Ханьцзюэ, вызвав лёгкое щекотание. Сы Ханьцзюэ наклонил голову, но из-за неудобного положения, как он ни старался, не мог увидеть мармеладного мишку, устроившегося в кармане на груди.

Почувствовав движение хозяина, Тан Сяотан задрал большую голову.

Ой.

Конфетка увидела у хозяина второй подбородок.

Наклон подбородка к груди собрал в складочку тонкий слой мягкой кожи. Острые черты лица Сы Ханьцзюэ вдруг обрели некую округлость, словно на фото пухленький маленький Сы Ханьцзюэ. Тан Сяотан не выдержал, изо всех сил встал на цыпочки, вытянул ручонку и потрогал хозяина за второй подбородок.

Сы Ханьцзюэ:

Даже у самого красивого и сурового генерального директора найдётся свой смертельный ракурс.

Он поспешно поднял голову, провёл рукой по шее и с покорной улыбкой сказал:

— Слезай.

— Хорошо, слушаюсь хозяина, — Тан Сяотану не хотелось расставаться с мягким и нежным вторым подбородком хозяина, но он всё же неохотно спрыгнул на пассажирское сиденье, указал на ремень безопасности и сладко сказал:

— Конфетке тоже нужен ремешок.

— Конфетке тоже нужен ремень безопасности? — удивился Сы Ханьцзюэ.

Тан Сяотан послушно ответил:

— Ну конечно, конфетка тоже должна соблюдать правила дорожного движения.

— Хозяин раньше каждый раз пристёгивал конфетку ремнём, каждый день брал с собой на работу, конфетке было так весело!

Тан Сяотан уселся в уголке сиденья. Сы Ханьцзюэ наклонился, вытянул ремень безопасности и защёлкнул его. Только тут он понял: без хрустальной шкатулки пристёгнутый ремень просто пролетел над головой мармеладного мишки, не обеспечивая никакой безопасности.

Тан Сяотан впервые сидел на пассажирском сиденье голой конфеткой. Он смущённо посмотрел на ремень, пролетевший у него над головой, встретился взглядом с Сы Ханьцзюэ, и они оба рассмеялись.

— Конфетка слишком маленькая, — покачал головой Тан Сяотан. — Что же делать, уточка?

Сы Ханьцзюэ беззвучно рассмеялся, во взгляде светилась нежная улыбка. Он снял пиджак, аккуратно сложил его, посадил Тан Сяотана повыше, и ремень безопасности надёжно лег ему на грудь, как раз как надо.

Тан Сяотан заулыбался до глаз.

Воздух стал сладким и густым.

Машина мчалась по пустынной длинной улице, проезжая мимо мелькающих полуночных огней. Сы Ханьцзюэ молчал, но он знал, что рядом с ним есть конфетка, которая искренне его любит.

В годы, полные ран и шрамов, наконец-то появилось сладкое место, где его сердце могло обрести покой.

Тан Сяотану было невероятно хорошо. Рядом сидел самый любимый хозяин, и маленькая конфетка излучала изнутри мягкий свет. Он покачивал головой, напевая песенку, беззаботно распространяя вокруг сладкий аромат, нежно и сладко пленяя сердце и мысли Сы Ханьцзюэ.

Мармеладный мишка незаметно подвинул свою маленькую попку в сторону хозяина, на сантиметр, ещё на сантиметр, украдкой поглядывая на лицо хозяина, раз, ещё раз.

Конфетка хочет быть ближе к хозяину!

Невыносимо мило.

Вернувшись домой, Сы Ханьцзюэ оказался в растерянности: как же ухаживать за такой маленькой мармеладкой?

Сы Ханьцзюэ, никогда не знавший, что такое девичья романтика, с трудом нахмурил брови. Почувствовав замешательство хозяина, Тан Сяотан вызвался сам:

— Хозяин, не беспокойся за меня, конфетка очень самостоятельная!

Тан Сяотан спрыгнул на пол и побежал в спальню, топ-топ. Пробежав пару шагов, он остановился и поманил маленькой ручкой:

— Хозяин, иди скорее, уточка.

Сы Ханьцзюэ последовал за ним в спальню. Тан Сяотан указал на прикроватную тумбочку:

— Конфетка может сама о себе позаботиться, я буду спать здесь.

Мармеладный мишка потянул за свои трусики:

— Конфетке не холодно, трусиков достаточно.

Он достал из трусиков маленькую красную конфетку и с хрустом откусил:

— Конфетка будет есть это.

Взгляд Сы Ханьцзюэ дрогнул, он с недоумением уставился на трусики Тан Сяотана.

Тан Сяотан спросил:

— Что такое, уточка?

Сы Ханьцзюэ не понимал:

— Эти трусики могут вместить столько всего?

Кажется, то прослушивающее устройство тоже было извлечено из трусиков.

Тан Сяотан, улыбаясь, потёрся о край трусиков:

— Это потому что хозяин молодец, уточка! У этих трусиков есть ещё и кармашек, смотри, конфетка может положить туда много вещей!

С этими словами он, словно хвастаясь, вытащил пять-шесть маленьких конфеток и нежно-красный бутон розы, припрятанный неизвестно когда.

— Держи, хозяину!

Маленькая конфетка изо всех сил встала на цыпочки и, сложив ладошки, поднесла хозяину бутон розы в стадии бутонизации.

В глазах Сы Ханьцзюэ зажглись искорки улыбки. Он изо всех сил присел на корточки, приняв нежное, похожее на облачко соцветие:

— Спасибо.

— Эх, — сладко сказал Тан Сяотан, — мы с тобой кто кому.

<http://bllate.org/book/15589/1395449>